

торжественный приём», на котором император обратится «к членам законодательных палат», а их председатели А.Н. Куломзин и М.В. Родзянко произнесут ответные речи¹⁶. Депутаты готовились «ко дню торжественного заседания»¹⁷. 28 ноября уже вполне определённо называли и его дату – 6 декабря 1916 года¹⁸. Как вспоминал один из них – земец-октябрист С.Т. Варун-Секрет – 6 декабря (правда, не в Таврическом, а в Зимнем дворце) ожидалось «торжественное объявление акта» о переходе «к парламентарному строю». К этому будто бы власть вынудило давление со стороны Думы, Государственного совета и Съезда Объединённого дворянства¹⁹. В этой обстановке и начались разговоры о создании группы независимых правых, окончательное организационное оформление которой подгонялось под дату предполагаемого приёма. Между тем 4 декабря Николай II выехал в Ставку²⁰. К этому времени фракция правых потеряла 33 своих членов, 32 из которых перешли в новую группу, а в дни Февральской революции, судя по некоторым сведениям, независимые правые примкнули к Прогрессивному блоку²¹. Этот факт, несомненно, ярче других свидетельствовал о крахе правых парламентариев.

Вадим Дёмин: Основной причиной провала политики правых было распространение светского образования

История консервативных политических партий Российской империи изучена явно недостаточно. Основательная книга А.А. Иванова помогает хотя бы частично закрыть этот пробел. Её важным достоинством является фундаментальный обзор историографии, в котором подробно разбираются труды, освещающие не только основную тему работы, но и смежные сюжеты. В тексте наряду с монографиями часто упоминаются и статьи, в том числе из малоизвестных сборников. Исследование основано на большом круге опубликованных и архивных источников. Особенно активно (быть может, даже чрезмерно) используются материалы периодической печати, как правой, так и либеральной.

Автор, в отличие от советских и некоторых современных историков, вполне основательно проводит грань между правыми и русскими националистами. Правые обеих палат резонно рассматриваются как единая политическая сила. Вряд ли можно оспаривать и предлагаемое А.А. Ивановым деление правых на умеренных и «неумеренных». При этом исследователь отмечает, что во фракции правых IV Государственной думы присутствовали лишь представители умеренного течения, в отличие от фракций II и III Дум.

¹⁶ Торжественный приём / Около парламента (по телефону 26 ноября) // Утро России. 1916. 27 ноября; Торжественный приём в Таврическом дворце / Последняя почта // Волгарь (Н. Новгород). 1916. 30 ноября.

¹⁷ Местная хроника // Волянь (Житомир). 1916. 3 декабря.

¹⁸ Торжественный приём депутатов / Около парламента (по телефону 28 ноября) // Утро России. 1916. 29 ноября.

¹⁹ *Варун-Секрет* С. Протопопов и русская общественность. Гамбург, 1922. С. 11 (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. S.E. Kryzhanovskii papers. Box 4). Сообщил П.А. Трибунский.

²⁰ Дневники Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. [М., 1992]. С. 614.

²¹ Во всяком случае, в одном из справочных изданий указывается, что председатель группы кн. Б.А. Голицын был членом Прогрессивного блока (The Princes Galitzine / Ed. by A.A. Galitzine, Ch.A. Galitzine. Washington (D.C.), 2002. P. 588).

Однако о наличии крайнего и умеренного течений в правой группе Государственного совета почему-то не упомянуто вовсе²². Лишь в конце книги (с. 418) говорится о делении группы на «либеральных консерваторов» и «крайне правых традиционалистов», появление которого отнесено ко времени мировой войны, хотя оно существовало и ранее. Например, в 1912 г. умеренная часть группы не поддержала крайнюю в попытке сорвать реформу местного суда, предусматривавшую лишение земских начальников судебной власти и восстановление выборного и всесословного мирового суда. А председатель палаты М.Г. Акимов (примыкавший к умеренному крылу правых) очень жёстко пресёк попытки крайних затянуть рассмотрение соответствующих законопроектов²³.

Идеология правой группы Государственного совета изложена в монографии несколько противоречиво. Автор справедливо пишет об отсутствии в ней идеологической монолитности (с. 73), но едва ли соответствует действительности его утверждение, будто признание ошибочности Манифеста 17 октября 1905 г. и создания законодательных палат было одним из «основных пунктов» её «не зарегистрированной программы» и разногласия касались лишь методов борьбы за восстановление абсолютизма (с. 69). Многие будущие члены группы в своё время поддержали реформу государственного строя. Разработкой основных принципов избрания и устройства Думы (тогда ещё с совещательными функциями), как известно, руководил А.Г. Булыгин. При обсуждении Основных законов 1906 г., закреплявших законодательные полномочия Думы, в их поддержку высказывались М.Г. Акимов и гр. К.И. фон дер Пален, не возражали против них А.А. Бирилёв, А.Ф. Редигер, О.Б. Рихтер²⁴. Целый ряд будущих правых (И.Г. Щегловитов, А.А. Макаров, А.И. Лыкошин, С.Н. Гербель и др.) принимали активное участие в проведении столыпинских реформ, направленных, по мнению почти всех современных историков, на упрочение созданной в 1905–1906 гг. политической системы²⁵. Как указывает сам А.А. Иванов, ссылаясь на воспоминания члена группы А.Н. Наумова, большинство её выборных членов считали Думу «учреждением нужным и необходимым» (с. 73).

К сожалению, порядок формирования и деятельности Государственного совета освещается автором довольно поверхностно, что приводит к целому ряду досадных ошибок. В частности, бессменный член бюро группы центра Н.С. Таганцев назван «видным членом левой группы» (с. 43). Комиссия по борьбе с пьянством была создана в феврале 1917 г. не в результате деятельности правой группы, а для обсуждения очередной версии проекта, внесённого октябристами ещё в 1907 г. Вызывает недоумение изложение выборов 1915 г. от организаций предпринимателей (представители которых именовались членами от торговли и промышленности). Автор пишет о выборах более 30 членов, включая 7 правых, вместо ранее бывших 13 (с. 158), тогда как по этому разряду избирались лишь 12 членов Государственного совета²⁶ и среди них никогда не

²² Подробнее об этом см.: Дёмин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 148–149.

²³ Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия 7. СПб., 1912. Стб. 1747–1946, 1952–2098, 2102–2171, 2173–2234, 2238–3215, 2317–2424, 2428–2477, 2480–2542, 2549–2602, 2675–2682; Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. М., 1999. С. 284.

²⁴ Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4. С. 183–245.

²⁵ См., например: Пётр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 9–13.

²⁶ Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 836; Дёмин В.А. Указ. соч. С. 45.

было правых (во время войны все они принадлежали исключительно к центру и левым). По всей видимости, из-за крайне неудачной редакции оказались смешаны выборы от торговли и промышленности и всех вообще курий. Неточным является и указание на переизбрание выборной части Государственного совета раз в 3 года на $\frac{1}{3}$ (с. 72). В действительности из 98 выборных членов 56 (представители земств и съездов землевладельцев) выбирались по общему правилу на 3 года²⁷ и лишь оставшиеся 42 избирались на 9 лет с перевыборами по третям. Таким образом, каждые 3 года переизбиралось 70 выборных членов Совета (71%).

Отдельные неточности имеются и при описании политической структуры Думы. В частности, дважды упоминается никогда не существовавшая «беспартийная группа» (с. 61, 237). Программа Прогрессивного блока, вопреки утверждению А.А. Иванова (с. 156), была очень далека от программы-минимума трудовиков и социал-демократов. Трудовики добивались по меньшей мере всеобщего и равного голосования и передачи крестьянам дворянских земель, а РСДРП и вовсе – введения демократической республики, конфискации помещичьих земель и упразднения регулярной армии. Блок же требовал лишь формирования правительства, пользующегося доверием третьионьской Думы (избранной при решающей роли помещиков) и – в очень неопределённой форме – других реформ, не затрагивавших основ политической системы. Также очень сомнительным выглядит ничем не подкреплённое утверждение о принадлежности А.Н. Хвостова в 1915 г. к думской группе независимых (с. 190). Это объединение при довольно разнородном составе (до 1916 г.) имело левое ядро во главе с радикальным оппозиционером М.А. Карауловым и не включало депутатов правее будущих членов фракции центра²⁸, поэтому участие в нём видного черносотенного политика представляется крайне маловероятным. Протопопов входил во фракцию земцев-октябристов²⁹, а не левых октябристов (с. 209).

В книге обстоятельно излагается программа правых перед выборами в IV Государственную думу, которая оценивается как достаточно скромная по сравнению с требованиями более левых партий, но в то же время «взвешенная и трезвая». С такой оценкой трудно согласиться. Первое требование – восстановление патриаршества – было явно невыполнимым из-за позиции Николая II, так же как и «истинное просвещение» крестьян (видимо, в монархическом духе), и восстановление «древнего благочестия». Остальные их пожелания (распространение начального образования, предоставление крестьянам возможности льготной покупки земли с помощью Крестьянского банка, поддержка переселения крестьян и улучшение положения рабочих) более или менее осуществлялись. Таким образом, самостоятельной положительной программы правые не имели, а основной смысл их деятельности состоял исключительно в отстаивании традиционных принципов и норм.

Рассуждая о возражениях правых в предвоенное время против активной внешней политики на Балканах и об их опасении войны с Германией, автор не упоминает, однако, о заявлении, сделанном В.М. Пуришкевичем 7 декабря 1912 г. при обсуждении в Думе правительственной декларации. «Мне кажется

²⁷ Законодательные акты переходного времени... С. 860–861; Дёмин В.А. Указ. соч. С. 39, 41.

²⁸ Государственная дума Российской империи. Энциклопедия. М., 2008. С. 403.

²⁹ Государственная дума. IV созыв. Указатели к стенографическим отчётам. Сессии 2–4. Пг., 1914–1916.

только, – говорил тогда Владимир Митрофанович, – что не будет войны более популярной, не будет большего энтузиазма в русском обществе, чем тот, когда государю императору благоугодно будет сказать: настал и приспел час свести счёты с нашим историческим врагом, с лоскутной империей». В ответ на это высказывание председательствовавший М.В. Родзянко под «аплодисменты слева и в центре» заявил о недопустимости «резких выражений по адресу дружественной нам державы» и призвал оратора к порядку. Тем не менее Пуришкевич продолжал: «Я говорю, гг., что не будет войны более популярной и, может быть, если настанет час этой войны, эта война, единственная война, если она будет, нас всех объединит (кроме крайнего левого крыла) в одном чувстве патриотического порыва, и мы только тогда стряхнём нашу партийность»³⁰. Такое пророческое (в краткосрочном плане) высказывание не вызвало возражений правых, не пожелавших даже поддержать замечание председателя аплодисментами. Между тем тесные союзнические отношения Германии и Австро-Венгрии и невозможность русско-австрийской войны без вмешательства Германии к 1912 г. были очевидны. Как это согласовывалось с отмеченными в книге (с. 111–114) прогерманскими симпатиями Пуришкевича в довоенное время? Видимо, внешнеполитические взгляды правых вообще и Пуришкевича в частности нуждаются в дополнительном изучении.

В то же время заслуживает особого внимания наблюдение А.А. Иванова о стремлении правящих кругов Германии к войне с Россией. До сих пор вступление России в Первую мировую войну нередко объясняется различными субъективными причинами, главным образом происками либералов и влиянием англо-французского капитала. Между тем оно было вынужденным из-за поддержанного немецким народом стремления германской политической элиты обеспечить военной силой преобладание Германии в мире³¹. Отказ от защиты Сербии показал бы всем ненадёжность союза с Россией, и затем в неизбежной всё же войне с Германией Петербург мог бы оказаться уже без союзников. Впоследствии Франция пыталась не допустить Второй мировой войны с помощью уступок и сдачи союзников. Весьма плачевный результат такой политики общеизвестен.

А.А. Иванов убедительно доказывает, что в 1914 г. отношение правых членов законодательных палат к начавшейся войне полностью соответствовало их официальным заявлениям. Вполне обоснованно и его заключение об отсутствии у черносотенцев единой внешнеполитической позиции в годы Первой мировой войны и формировании среди них трёх течений: в пользу сепаратного мира с Германией (А.И. Дубровин), за войну до победы при настороженном отношении к Англии и Франции (Н.Е. Марков) и за войну до победы в тесном сотрудничестве с союзниками (В.М. Пуришкевич). Едва ли не впервые в историографии показано личное активное участие целого ряда правых депутатов и членов Государственного совета в обеспечении армии и организации помощи больным и раненым. Впрочем, было бы интересно сравнить его с аналогичной деятельностью представителей других политических партий, но в книге об этом не говорится.

³⁰ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчёты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 310–311.

³¹ См.: *Айхгольц Д.* Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 62; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 64–65, 73; *Карев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. VI. Ч. I. СПб., 1909. С. 116.

Нельзя не согласиться с мнением автора об отказе Николая II в годы войны от полной поддержки правых и его лавировании между правыми и оппозицией. При этом думская фракция правых во главе с А.Н. Хвостовым приняла участие в протесте против попытки министра внутренних дел Н.А. Маклакова отсрочить вторую военную сессию Думы до ноября 1915 г. Однозначное отрицательное отношение к созыву народного представительства в военное время у правых тогда явно отсутствовало. В то же время в книге показано их стремление ограничить работу Думы кратковременными сессиями. Лишь позднее правые стали говорить о влиянии думской агитации на падение боевого духа армии и разжигание революционных настроений среди рабочих и солдат.

Исследуя провал попыток консервативных объединений обеих палат противостоять Прогрессивному блоку и их кризис в 1915 г., А.А. Иванов резонно отмечает, что «в годы войны правительство не отвечало ожиданиям правых Думы и Совета» (с. 205). Характерно, что и деятельность министров из правых групп обеих палат также не устраивала их единомышленников и критиковалась ими. Впрочем, как справедливо указано в книге, критика эта имела деловую направленность и выражала стремление правых не к подчинению себе правительства, а к сотрудничеству с ним.

А.А. Иванов впервые в историографии подробно проанализировал программу, которой правые руководствовались в годы мировой войны, и показал, что она предполагала не полное преобразование страны, а лишь решение отдельных ситуационных задач. Им также впервые выявлены довоенные выступления черносотенцев против землевладения немецких колонистов на юге России, обстоятельно рассмотрены революционные выводы, вытекавшие из борьбы правых с «немецким засильем», показано их отношение к свободе печати, введению прогрессивного подоходного налога, ограничению потребления мяса и алкоголя, положению рабочих и национальных меньшинств. В частности, установлено, что правые добивались не закрытия созданных для помощи армии общественных организаций, а только установления над ними жёсткого контроля и пресечения несомненно имевших место значительных злоупотреблений.

С учётом имеющейся литературы автор детально описывает историю раскола думской фракции правых в ноябре 1916 г. и её ухода из политической жизни накануне февральского восстания. Рассматривая выступления правых обеих палат на рубеже 1916–1917 гг. и отмечая, что усиление правой группы Государственного совета в январе 1917 г. не привело к заметному изменению политической ситуации, А.А. Иванов соглашается с мнением А.П. Бородинина о наличии «правой альтернативы Февралю». Вместе с тем он приводит свидетельства мемуаристов о намерении Николая II весной 1917 г. закончить войну и перейти к дальнейшему реформированию страны.

Особый интерес вызывает параграф о судьбах бывших правых членов законодательных палат после революции. Складывались они по-разному: от последовательного монархизма и поддержки фашистов на антисемитской основе (Н.Е. Марков) до колебаний между идеями западной демократии, диктатуры и монархии (В.М. Пуришкевич) и сотрудничества с советской властью (А.А. Поливанов, Т.Д. Попов). Вместе с тем в книге явно не хватает сведений о точной численности думской фракции правых и правой группы Государственного совета, о вероисповедании, возрасте и образовании их членов, представляемых ими регионах и куриях и т.п. Но основной её недостаток – отсутствие анализа

причин полной неудачи деятельности консервативных объединений законодательных палат Российской империи. Автор указывает лишь на менее яркие лозунги, негибкость лидеров, пропаганду левой печати, позицию «многих представителей власти», полагавших, что из-за устранения революционной угрозы черносотенцы уже не нужны и сотрудничество с ними лишь компрометирует правительство (этим объясняется, в частности, кризис правых, начавшийся, по мнению А.А. Иванова, уже в 1908 г.) и т.п. Между тем провал крайне консервативного курса имел более серьёзные причины, и, пожалуй, основной из них было распространение светского образования, которое вело к падению влияния религии и подрывало культурно-политические основы традиционной монархии. Как отмечал С.Е. Крыжановский, «с ростом и развитием образованных классов, без которых современное государство технически существовать не может, рождается у них потребность принять участие в управлении» и «потребность эта столь же неистребима, как и стремление есть и пить»³². В России в начале XX в. правые не могли опереться ни на образованные классы, ни на народные массы, в значительном большинстве добивавшиеся насильственного и масштабного передела собственности, и именно поэтому были обречены на поражение.

Кирилл Соловьёв: Многоголосье правых

Русские консерваторы начала XX столетия до сих пор не выходят «из моды». Публикуются многочисленные книги и статьи, посвящённые правомонархическому движению. И тем сложнее их писать: слишком уж тесно становится в этом историографическом пространстве. Почти каждой новой монографии приходится доказывать своё право на жизнь. Однако это лишь в малой мере относится к книге А.А. Иванова. И дело даже не в том, что сам автор – известный специалист по истории правых партий начала XX в., а монография написана живым языком и «населена» яркими персонажами с их страстями, талантами и пороками. Исследование А.А. Иванова выигрывает прежде всего благодаря выбранному сюжету.

Историк не может отрешиться от знания будущего своих героев. Это определяет всю «драматургию» его исследования вне зависимости от того, какой жанр он предпочитает – комедию или трагедию, оду или фарс. Изучающих консервативное движение это знание должно весьма озадачивать: как так могло случиться, что по-настоящему массовые, чрезвычайно влиятельные правомонархические партии рассеялись как дым в дни Февральской революции? И это относится не к отдельной организации, объединению, а ко всему правому лагерю в целом.

Изучая его, А.А. Иванов отказывается от довольно условных границ, отделявших думскую фракцию от группы Государственного совета. В этом – сильнейшая сторона данной работы. Ведь именно лидеры правой группы (П.Н. Дурново, А.А. Нарышкин, Ф.Д. Самарин и др.), чаще всего не будучи членами какой-либо партии, определяли лицо русского консерватизма. Может быть, в этом коренная и пока не вполне объяснённая черта правомонархического движения в России.

Русский консерватизм был чрезвычайно разнообразен в своих проявлениях: в его рядах были сторонники абсолютизма и его враги, апологеты Земского

³² Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб., 2009. С. 154.